

Боулби Джон

"СОЗДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ"

Лекция 2.

Вклад современных теорий в понимание развития ребенка

На своей ежегодной конференции весной 1957 года Британское психологическое общество организовало симпозиум на тему "Вклад современных теорий в понимание развития ребенка". Меня попросили поговорить о том научном вкладе, который ожидается от развития этологии, в то время как другие участники выступили с докладами по ассоциативной теории обучения, по психоанализу и об основателях теоретических систем, Пиаже и Фрейде. Все четыре доклада были впоследствии опубликованы в том же году.

Центральной проблемой как для клинической, так и для социальной психологии является природа и развитие взаимоотношений ребенка с другими людьми. В своем подходе к этой проблеме психологи склонны придерживаться одного из двух подходов: если они ориентированы академически и экспериментально, то склонны выступать в защиту той или другой формы теории обучения; если они клинически ориентированы, то следуют той или другой форме психоанализа. Оба подхода привели к ценным достижениям. Однако попытки установить связь между той и другой точками зрения были немногочисленными и не очень успешными, в то время как среди их приверженцев было широко распространено взаимное недоверие и критика.

Психоаналитики с самого начала воспринимали социальные отношения человека как опосредованные инстинктами, которые проистекают от биологических корней и побуждают индивида к действию. Многие в психоаналитической теории были связаны с этими инстинктами, с их серийным и постепенным возникновением в онтогенезе, их постепенной и не всегда успешной организацией в более сложные совокупности, с конфликтами, возникающими, когда два или более инстинкта активны и несовместимы, с порождаемой ими тревогой и виной, с активизацией механизмов психических защит при столкновении с ними. Поглощенные изучением этих примитивных человеческих страстей, которые вследствие незрелых защитных способов, пригодных для их обуздания, склонны, как нам известно, увлекать нас, к нашему собственному разрушению, к совершению тех действий, о которых мы впоследствии сожалеем, психоаналитики часто были нетерпимыми к подходу теоретиков обучения. В их теоретизировании, казалось им, оставалось столь мало места для человеческих чувств или для мотивации действий, проистекающих из бессознательных и иррациональных глубин. Для клинициста теоретик

обучения всегда казался пытающимся впихнуть галлон буйной человеческой природы в крошечный горшок строгой теории.

Теоретики обучения, наоборот, критикуют психоаналитиков. По их представлениям, определения инстинкта крайне неудовлетворительны и склонны дегенерировать к аллегорическим. Хотя клинические материалы обычно объемисты, но в них мало записей систематического наблюдения.

Экспериментальный метод психоанализа отличается от подобного отсутствие систематических наблюдений. И что самое плохое, психоаналитические гипотезы часто сформулированы таким образом, что недоступны опытной проверке - дефект, фатальный для научного прогресса. Теория обучения, как справедливо утверждается, определяет свои термины, формулирует свои гипотезы операционально и продолжает проверять их пригодность в ходе должным образом спланированных экспериментов.

Как человек, который одновременно стремится быть клиницистом и ученым, я был остро восприимчив к этому конфликту. Как клиницист я нашел подход Фрейда более полезным; он не только привлек внимание к психологическим процессам прямой клинической значимости, но его идеи, связанные с динамическим бессознательным, оказались практически полезным способом упорядочивания данных. Однако как ученого меня смущал ненадежный статус многих наших наблюдений, неясность многих наших гипотез и, самое главное, отсутствие какой-либо традиции, которая требует проверки научных гипотез. Этими дефектами мы обязаны, по-моему, тем полемикам, слишком часто горячим и бесплодным, которые характеризовали психоаналитическую историю. Как, спрашивал я многих своих коллег, мы можем подвергнуть психоанализ большей научной дисциплине, не жертвуя его уникальными вкладами?

Именно в таком расположении духа несколько лет тому назад я случайно столкнулся с работой этологов. Я был сразу же очень взволнован этим. Вот группа биологов, изучающая поведение диких животных, которая не только использует такие понятия, как инстинкт, конфликт и защитный механизм, крайне напоминающие понятия, используемые в нашей повседневной клинической работе, но и выполнила очень детальные описания поведения и разработала экспериментальную технику для испытательной проверки своих научных гипотез. Сегодня я нахожусь под столь же сильным впечатлением от этой работы, как и тогда. Этология, по-моему, изучает относящиеся к ней феномены научным образом. В той мере, в какой она исследует развитие социального поведения и в особенности развитие семейных взаимоотношений у более низших видов живых существ, я полагаю, что она изучает поведение, аналогичное и, возможно, иногда даже гомологичное многому из того, что интересует нас в клиническом отношении; в той мере, в какой она использует полевое описание, гипотезы с операционально определенными понятиями и эксперимент, она применяет строго научный метод.

Конечно, лишь после того как этология пройдет суровое испытание исследовательских проверок, мы узнаем, окажется ли она столь же плодотворным подходом в отношении изучения людей, каким она оказалась в отношении более низших видов живых существ. Достаточно сказать, что этот подход кажется мне наиболее привлекательным, так как я полагаю, что он сможет обеспечить нас рядом новых понятий и данных, которые необходимы, если эти данные и открытия дополняются другими подходами, в особенности подходами психоанализа, теории обучения и Пиаже, каждый из которых следует применять и интегрировать с другими.

В кратком обзоре основных характерных черт этологического подхода давайте начнем с работы Дарвина (1859), не только потому, что он был этологом, прежде чем это слово было придумано, но также потому, что главным интересом этологии является эволюция поведения диких животных вследствие процесса естественного отбора.

В работе "Происхождение видов", которая была написана Дарвином ровно сто лет тому назад, инстинкту посвящена одна глава, в которой он отмечает, что каждый вид наделен своим собственным особым репертуаром поведенческих паттернов таким же образом, как он наделен собственными особенностями анатомической структуры. Подчеркивая, что "инстинкты столь же важны, как и телесная структура, для благополучия каждого из видов", Дарвин выдвигает гипотезу, что "все самые сложные и удивительные инстинкты" возникли в процессе естественного отбора, сохраняющего постоянно накапливающиеся вариации, которые биологически полезны. Он иллюстрирует свой тезис ссылкой на характерные черты поведения различных видов насекомых, таких, как муравьи и пчелы, и птиц, таких, как кукушка.

Со времени Дарвина зоологи занимались описанием и каталогизацией тех образцов поведения, которые характерны для особых видов живых существ и в такой же степени являются признаками видов, хотя они в некоторой степени изменяемы и модифицируемы, как красная грудка малиновки или полосы тигра. Мы не можем спутать поведение кукушки по подкладыванию яиц с поведением гусыни, мочеиспускание лошади и собаки, ухаживание поганок и домашней птицы. В каждом случае проявляемое поведение характеризует особые виды и поэтому является видо-специфическим, если использовать удобный, хотя и громоздкий термин. Так как эти образцы поведения развиваются характерным образом почти у всех представителей видов и даже у тех из них, кто выращивался в одиночестве, очевидно, они являются невыученными и унаследованными. С другой стороны, находятся особи, которым не удается развить эти образцы поведения или у которых они приняли особые формы, и мы можем поэтому заключить, что окружающая среда также оказывает влияние на их развитие. Это напоминает нам, что у живых организмов ни структура, ни функция не могут развиваться кроме как в окружающей среде и что сколь бы могущественной ни была наследственность, точная форма каждого организма будет зависеть от природы окружающей его среды.

Видо-специфические образцы поведения, которые нас здесь интересуют, часто изумительно сложны. Рассмотрим действия длиннохвостой синицы, строящей свое чудесное, покрытое лишайником, куполообразное гнездо. Это включает в себя выбор места для строительства гнезда, собирание вначале мха, а затем паучьей пряжи для формирования площадки и постепенно, посредством боковых движений во время сидения на платформе, сплетение мха в куполообразную форму. Купол равномерно растет по мере того, как птица плетет гнездо вокруг самой себя до тех пор, пока как результат ее непрерывного процесса оно не приобретет куполообразную форму. Тем временем снаружи добавлялся лишайник и оставлялось открытым входное отверстие. Наконец, укрепляются боковые стены у входа и низ гнезда устилается множеством мягких перьев. В этом удивительном строительстве насчитывается четырнадцать отличающихся типов движений и комбинаций движений, некоторые из которых общи другим видам, другие - специфичны для данного вида и каждое адаптировано к той особой среде, где пара строит гнездо, и все так организовано во времени и пространстве, что в результате получается связанная структура, больше не встречающаяся нигде в природе, которая служит жизненно важной функции выживания популяции длиннохвостых синиц (Tinbergen; цит. по Thorpe, 1956).

Другие образцы поведения намного проще. Когда мы трясем гнездо черного дрозда, из него выглядывает много уродливых маленьких голов, каждая с гигантским раскрытым ртом; когда мы помещаем на стол птенца в возрасте двадцати четырех часов с разбросанными по нему зернами, он вскоре аккуратно склюет каждое зернышко. Но даже эти более простые образцы поведения далеко не просты. Реакция раскрытия рта у птенцов черного дрозда пробуждается и определяется визуальным сигналом, а также раскачиванием гнезда, птенец черного дрозда так организован во времени и пространстве, что каждое зерно аккуратно склевывается.

Ясно, что такие образцы поведения не могут быть простыми рефlekсами. Во-первых, их организация более сложна и направляется поведением на молярном уровне; во-вторых, представляется, что, будучи активированы, они часто обладают собственным мотивационным импульсом, который прекращается лишь в особых обстоятельствах. Этологи изучают эти видоспецифические образцы поведения; данный термин происходит от греческого слова "этос", которое означает "природу вещи". (Относительно обсуждения терминов смотрите Тинбергена (1955).) Со времен Дарвина главная цель этого исследования оставалась таксономической, а именно, распределение видов в связи с их близкородственными отношениями, действующими и вышедшими из употребления. Было обнаружено, что, несмотря на потенциальную вариабельность, относительная стабильность этих образцов поведения у различных видов рыб и птиц такова, что они могут использоваться для целей классификации со степенью достоверности, не меньшей, чем достоверность анатомических структур.

Посещение исследовательской станции Конрада Лоренца в Германии быстро заставляет понять неизменный интерес Лоренца к пересмотру таксономической классификации уток и гусей в связи с их образцами поведения. Сходным образом, главный интерес Нико Тинбергена заключается в составлении полного описательного реестра в отношении многих видов чаек. Я подчеркиваю это, чтобы вы поняли ту степень, до которой эти образцы поведения специфичны для определенных видов, унаследуются и в столь же большой мере характерны для данного организма, как и его кости.

Я понимаю, что некоторые из вас могут испытывать легкое нетерпение. Да, могут мне сказать, все это очень интересно и может быть справедливо для рыб и птиц, но уверены ли мы, что это справедливо также для млекопитающих, не говоря уже о человеке? Не является ли поведение млекопитающих отличным в своей вариабельности и частично обусловленным обучением? Уверены ли мы, что млекопитающие унаследовали свои поведенческие образцы поведения? Этолог ответит: да, конечно, поведение млекопитающих более вариабельно, и обучение играет у них огромную роль, но тем не менее каждый вид показывает поведение, характерное для него - например, относительно передвижения, питания, ухода и спаривания, заботы о молодняке - и представляется крайне маловероятным, что всем этим образцам поведения целиком научаются. Кроме того, как показал Бич для крыс, а Коллиас и Блаувельт - для коз, продуктивно исследовать их поведение теми же самыми методами и концептуализировать сведения тем же самым образом, который оказался столь полезным в случае более низших позвоночных.

Что касается поведенческих паттернов, нет каких-либо признаков резкого разрыва между рыбами, птицами и млекопитающими, кроме как анатомических. Напротив, несмотря на приобретение важных новых черт, имеются все признаки эволюционного континуума. Образцы поведения строительства, по-видимому, остаются важными для содействия базисным биологическим процессам у млекопитающих, как это происходит и у других видов; и в той мере, в какой человек имеет сходные анатомические и физиологические компоненты этих биологических процессов с другими млекопитающими, было бы странно, если бы он не обладал по крайней мере некоторыми из сходных с ними поведенческих компонентов.

Для таксономических целей может быть достаточно точного описания поведенческих паттернов. Для науки о поведении, однако, мы должны знать намного больше. В особенности нам требуется как можно больше знать о природе тех условий для организма, как внутренних, так и внешних, которые определяют данный образец поведения.

Для нашего познания соответствующих условий, внешних для организма, этологи внесли большой вклад. Хейнрот был одним из первых, указавшим на то, что видо-специфические

модели поведения часто активируются посредством восприятия довольно простых зрительных или слуховых сигналов, к которым они врожденно чувствительны.

Хорошо известными примерами этого, проанализированными посредством экспериментов с использованием манекенов различных цветов и форм, являются примеры призыва к спариванию со стороны самца колюшки, который пробуждался восприятием макета, напоминавшего беременную самку, реакции пристального глазения детеныша серебристой чайки, пробуждавшейся видом красного пятна, сходного с пятном на клюве взрослой чайки, и позыва к нападению со стороны самца малиновки, который пробуждался видом на его территории пучка красных перьев, сходных с перьями на груди самца-соперника. Все эти три случая ответных реакций, по-видимому, пробуждались восприятием довольно простого сигнала, известного как "знаковый стимул".

Очень много этологических работ было посвящено распознаванию знаковых стимулов, которые пробуждаются различными видо-специфическими образцами поведения у рыб и птиц. В той мере, в какой многие из этих поведенческих паттернов содействуют социальному поведению - ухаживанию, спариванию, кормлению детенышей родителями и следованию детенышей за родителями - было пролито много света на природу социального взаимодействия. У многих видов было показано, что поведение, содействующее спариванию и родительству, контролируется восприятием знаковых стимулов, представленных другими особями того же вида, таких, как размах хвоста, или цвет клюва, или пение, или крик, существенные характерные черты которого являются проявлениями вполне простого сигнала. Такие знаковые стимулы известны как "социальные высвободители".

Является или нет необходимый внешний стимул у млекопитающих столь же простым, как у рыб и птиц, недавно обсуждал Бич, американский психолог, чья работа о поведении самцов крыс во время спаривания и о спасении от гибели детенышей крысами-самками основана на методах и концепциях, сходных с европейской школой этологии с ее зоологическими корнями. После многих экспериментов Бич и Джейнс (1956) пришли к заключениям, которые, на первый взгляд, относят крыс в другую категорию - к малиновкам; оба образца поведения, заключают они, основаны на стимульном паттерне, который является мультисенсорным по своей природе. Тем не менее, они остаются осторожными, и в личной беседе Бич указал на возможность, выдвинутую Тинбергеном, "что если мы фрагментируем тотальный материнский ответ взрослой женщины во взаимодействии с младенцем на индивидуальные секции или сегменты, вполне может оказаться, что каждый элемент в последовательном паттерне в действительности контролировался простым чувствительным сигналом". Кроме того, в той же беседе он отмечал, что "поведение очень молодых млекопитающих может управляться посредством более простого сенсорного контроля, чем то поведение, которое имеет место во взрослом возрасте", и что более чем вероятно, что определенные взаимодействия пробуждаются чем-то, напоминающим знаковый стимул. Взгляды такого рода, исходящие от

исследователя столь высокого ранга, как Бич, ничего не говорят в поддержку того, что этологический подход неприменим к млекопитающим.

Эксперимент также может использоваться для того, чтобы пролить свет на условия, внутренние для организма, которые необходимы для активации поведенческого паттерна. Они включают в себя созревание тела и центральной нервной системы, как в случае полета у подрастающих птиц, и эндокринный баланс, как в случае сексуального поведения большей части, если не всех, позвоночных. Они также включают в себя, был или нет данный образец поведения активирован недавно, так как хорошо известно, что многие инстинктивные действия вызываются менее легко после их недавнего проявления, чем после периода бездействия. После совокупления немногие животные возбуждаются столь же легко, как и до него. Это и сравнимые изменения модели поведения явно обусловлены изменением в состоянии самого организма, и во многих случаях эксперименты показывают, что такое изменение лежит внутри центральной нервной системы. Для объяснения этих изменений Лоренц (1950) постулировал ряды резервуаров, каждый из которых наполнен "реакцией специфической энергии", подходящей для данного образца поведения. Считалось, что каждый такой резервуар контролируется клапаном (врожденный пусковой механизм или ВПМ), который может быть открыт при восприятии подходящего знакового стимула, так что реакция специфической энергии может разряжаться в осуществлении специфического поведения.

При исчерпании энергии данное поведение прекращается. Впоследствии он предположил, что при закрытом клапане энергия вновь аккумулируется и по прошествии некоторого времени данный процесс готов к повторению. Эта психогидравлическая модель инстинкта со своим резервуаром и аккумуляцией "энергии" имеет явное сходство с теорией инстинкта, выдвинутой Фрейдом, и можно допустить, что как Фрейд, так и Лоренц пришли к постулированию сходных моделей в результате попытки объяснить сходное поведение.

Как бы там ни было, эта психогидравлическая модель в настоящее время дискредитирована. Она более не поддерживается ни Лоренцом, ни Тинбергеном, и со своей стороны, я надеюсь, что настанет время, когда от нее откажется также и психоанализ. Ибо она не только механически непродуманна, но и не способна правильно интерпретировать данные. Многие эксперименты в последние годы продемонстрировали, что поведенческие паттерны прекращаются не потому, что у них иссякла некая гипотетическая энергия, но потому, что они были "приглушены" или "выключены". Различные психологические процессы могут приводить к этому результату. Одним таким механизмом, долгосрочно влияющим на поведение, является приобретение привычки.

Действие другого механизма с краткосрочным влиянием иллюстрируется экспериментами, использующими собак с воспаленным пищеводом. На них было продемонстрировано, что акты принятия пищи и питья прекращаются

проприоцептивными и/или интероцептивными стимулами, которые возникают во рту, в пищеводе и в желудке и которые у неповрежденного животного являются результатом осуществления самих действий; другими словами, имеется механизм для негативной обратной связи. Такое прекращение действия не обусловлено усталостью или удовлетворением потребности в пище и питье; вместо этого само действие порождает стимулы обратной связи, которые его прекращают. (Для обсуждения смотрите работы Дейч (1953) и Хинде (1954).)

В равной мере интересны наблюдения этологов, что, будучи активируемо экстероцептивными стимулами, поведение может также прекращаться ими. Мойнихэн (1953), например, продемонстрировал, что влечение к высиживанию птенцов у черноголовой чайки ослабляется лишь тогда, когда она сидит в гнезде с должным образом расположенными в нем яйцами. До тех пор пока продолжается эта ситуация, птица сидит спокойно. Если сдвинуть яйца или нарушить порядок их расположения, чайка становится беспокойной и стремится к совершению действий по строительству гнезда. Это беспокойство продолжается до тех пор, пока она снова не станет испытывать стимулы, проистекающие от правильно организованной полной кладки яиц. Сходным образом Хинде (1954) наблюдал, что ранней весной простое присутствие самки зяблика приводит к снижению ухаживающего поведения самца, такого, как пение и поиск. Когда она присутствует, он спокоен, когда она отсутствует, он становится активным. В этом случае, где социально соответствующий образец поведения подавляется знаковыми стимулами, проистекающими от другого члена того же самого вида, мы, вероятно, можем говорить о "социальном подавителе" как термине, параллельном "социальному высвободителю".

Представляется вероятным, что концепции социального высвободителя и социального подавителя окажутся ценными в исследовании невербального социального взаимодействия у людей, и в особенности взаимодействия, которое эмоционально окрашено; я вновь вернусь к ним при обсуждении возможного применения этих идей к исследованию развития ребенка.

Наша базисная модель для инстинктивного поведения является, таким образом, целым, охватывающим видо-специфический паттерн поведения, направляемый двумя сложными механизмами, где один механизм контролирует его активацию, а другой - его окончание. Нередко обнаруживается, что многие отдельные образцы поведения, каждый из которых был выделен в результате тщательного исследования, связаны вместе таким образом, что в результате возникает такое сложное поведение, как строительство гнезда или любовное ухаживание. Биологическая функция этих паттернов поведения и их более высокой организации заключается в поддержании базисных жизненно важных процессов метаболизма организма и воспроизводства потомства; они являются соответствующими частями. На уровне молярного функционирования физиологических процессов, также связанных с метаболизмом и воспроизводством, которые давно уже являлись предметом

исследования физиологии. Подобно последним, их основные формы для каждого вида являются унаследованными, и, как предположил Дарвин сто лет тому назад, их передающиеся по наследству вариации так же подвергаются естественному отбору, как и в случае любой другой наследуемой характерной черты.

Естественно, эта модель не уникальна для этологии. Сходная модель была независимо выдвинута по крайней мере одним экспериментальным психологом (Deutsch, 1953), и многие экспериментальные данные, связанные с ролью interoцептивных стимулов, были собраны психологами и физиологами. Это иллюстрирует комплементарную природу этологических и психологических подходов. Они не только комплементарны, но, начиная с Уильяма Джеймса и далее, имелись психологи, которых остро интересовали феномены, изучаемые этологами, и некоторые из них, подобно Йеркесу и Бичу, внесли важные научные вклады. Главными вкладами этологов были: анализ сложной последовательности инстинктивного поведения, такого, как любовное ухаживание или строительство гнезда, разлагаемого на ряд сложных образцов поведения, каждый из которых управляется своим собственным сложным механизмом и совместно организуется в большее целое; выделение тех черт поведения, которые передаются по наследству; и открытие того, что как в активации моделей поведения, так и в прекращении их действия экстероцептивные стимулы играют значительную роль.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению применения этих концепций к исследованию развития ребенка, я хочу кратко упомянуть две другие концепции, в продвижение которых внесли свой вклад как этологи, так и психологи,- концепции о сенситивных фазах развития¹ и регуляции конфликта. Обе данные концепции являются центральными для психоанализа, и наше все более возрастающее их понимание представляет особый интерес для клиницистов.

Было обнаружено, что у растущей особи видо-специфические образцы поведения часто проходят через сенситивные фазы развития, во время которых определенные их характеристики устанавливаются либо постоянно, либо почти постоянно. Сенситивные фазы, которые обыкновенно имеют место, хотя не обязательно очень рано, в жизненном цикле, влияют на развитие по крайней мере в четырех различных отношениях:

- a) развивается ли вообще или нет данный образец поведения;
- b) интенсивность, с которой он позднее проявляется;

¹ В первоначальной версии я использовал распространенный в то время термин "критическая фаза развития". Это, однако, вело к тому неудобству, что скрыто подразумевалось, что факт, происходит ли данное развитие, играет первостепенную роль или не играет никакой, что, конечно же, не так. Поэтому впоследствии был принят термин "сенситивная фаза развития", указывающий на то, что во время этой фазы ход рассматриваемого развития не является более чувствительным к условиям окружающей среды.

с) точная двигательная форма, которую он принимает;

d) особые знаковые стимулы, которые активируют или прекращают его действие.

(A) Модели поведения, которые развиваются у всех особей данного вида, когда они растут в "обычной" окружающей среде, могли бы вообще не проявиться, если окружающая среда ограничена неким особым образом. Таким образом, было показано, что побуждение клевать, которые явно заметно у каждого однодневного птенца, никогда не развивается, если птенца содержать в темноте в первые четырнадцать дней его жизни (Padilla, 1935). Сходным образом, склонность птенца дикой утки следовать за движущимся объектом, которая наиболее чувствительно выражена спустя примерно шестнадцать часов после вылупливания из инкубатория, не развивается, если в течение первых сорока часов после рождения у утенка нет объекта, чтобы за ним следовать (Weidmann, 1956). В каждом случае был упущен сенситивный период для "мобилизации" данного образца поведения, и поэтому такой паттерн вообще не смог появиться.

(B) В других случаях данный паттерн поведения может развиваться обычным образом, но, вследствие особых переживаний в младенчестве, проявляется у взрослого с необычной интенсивностью. Хорошо известным примером является вариация в поведении взрослых крыс в связи с припрятыванием пищи после нескольких дней пищевой фрустрации. Крысы, которых в младенчестве подвергали, в особом возрасте, периоду перемежающейся пищевой фрустрации, склонны запастись намного больше пищевых гранул, чем те крысы, которые не прошли через такой опыт в младенчестве. Эта работа была осуществлена экспериментальным психологом Хантом (1941).

(C) Во многих случаях двигательная часть модели поведения доступна процессам обучения, и было обнаружено, что эта доступность к обучению ограничена узким периодом времени. Одним из самых лучших исследованных примеров является обучение зябликов пению. Торп (1956) показал, что хотя определенные характерные черты пения развиваются даже у зяблика, растущего в изоляции, другим же чертам пения они научаются, и что это научение ограничено особыми периодами первого года жизни птицы. Пение, которому зяблик научается в это время, сохраняется у него на протяжении всей оставшейся жизни.

(D) Те знаковые стимулы, которые активируют или прекращают определенный поведенческий паттерн, могут вначале быть общими, а могут позднее, через процесс обучения, становиться более узкими. Этот процесс сужения, как было найдено, также ограничен коротким периодом жизненного цикла. Знаменитая работа Лоренца (1935) об "импринтинге" маленького гусенка хорошо известна; в то время как вначале гусенок будет следовать за любым движущимся объектом, размеры которого находятся внутри определенных широких рамок, после нескольких дней он станет следовать лишь за теми объектами, к которым привык, будь это мать-гусыня или человек; и он поступает таким образом безотносительно к тому, получил ли он пищу или уход от этого объекта. Другим

хорошо известным примером является пример лишившегося родителей молодого ягненка, который выращивается в доме фермера, привыкает к людям и впоследствии не может устанавливать социальные отношения с овцами.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание на открытие, что в повседневной жизни обычного животного постоянно случаются конфликтные ситуации. Ушло то время, когда предполагалось, что один лишь человек несет на себе крест противоречивых импульсов; теперь нам известно, что им подвержены все виды птиц и зверей. Кроме того, мы узнали, что результат таких конфликтов у животных очень различен и иногда столь же плохо адаптивен, как это может быть у людей. Нет необходимости сталкивать животных с непреодолимыми задачами, прежде чем они начнут творить глупые вещи; легкое безумие у млекопитающей самки вскоре после рождения ею детеныша расстроит чувствительный механизм регуляции потенциально противоречивых импульсов, с одной стороны, так что она поедает плаценту, а с другой стороны, расстроит механизм заботы о детеныше, и это приведет ее к продолжению поедания, так что она пожирает своего детеныша, так же как и плаценту. Я полагаю, что нам станет известно намного больше от исследования тех механизмов, посредством которых конфликт регулируется у животных, и изучения тех условий, который приводят особь к принятию того или другого плохо адаптированного образца поведения. Лично я ожидаю, что здесь мы снова обнаружим чувствительные фазы развития, исход которых определяет, какой способ регуляции станет с тех пор привычно применять индивидуальное животное. Мне бы в особенности хотелось видеть, чтобы научные исследования были направлены на эту проблему - чувствительные фазы в развитии способов регуляции конфликта; ибо я уверен, что решение данной проблемы обеспечит нас ключом к пониманию происхождения неврозов. Насколько мне известно, данной проблеме Пока не уделялось никакого внимания.

Применение этологических концепций к исследованию развития ребенка

Здесь рассмотрены основные концепции, выдвинутые этологами. Взятые вместе, они обеспечивают подход, очень отличающийся как от подхода теории обучения, так и от психоанализа, однако никоим образом не несовместимый с существенными компонентами каждого из них. Остается посмотреть, ведет или нет этот подход к лучшему пониманию сведений о развитии ребенка и обеспечивает или нет он стимул для более глубокого и более продвинутого исследования. Кажется несомненным, что он обеспечивает нас другими очками для взгляда на вещи и приводит нас к осуществлению различных исследований. Я проиллюстрирую это рассмотрением двух хорошо известных характерных черт социального поведения младенцев - их улыбки и их склонности начиная примерно с шестимесячного возраста и далее, испытывать привязанность к знакомой им фигуре матери.

Джеймс Бэрри говорил, что когда первый ребенок улыбнулся, улыбка разбилась на тысячу кусочков и каждый кусочек стал волшебным. Я вполне могу в это поверить. Улыбки младенцев - могущественное оружие, которое очаровывает и поработывает матерей. Кто может сомневаться, что младенца, который крайне охотно награждает свою мать улыбкой, любят больше всего на свете и наилучшим образом о нем заботятся?

В этих вводных замечаниях я непосредственно пустился в этологическое описание и объяснение улыбки младенца. Я представил ее вам как социального высвободителя - поведенческий паттерн, вероятно, видо-специфический для человека, который в обычных обстоятельствах созревает в первые недели жизни, одной из функций которого является пробуждение материнского поведения у матери. Далее я предположил, что он был развит в ходе эволюции человеческого рода, посредством различной частоты выживания, благоприятствующей тем младенцам, которые хорошо улыбались. Глядя на улыбку таким образом, меня, конечно, станет интересовать нахождение тех условий, внутренних и внешних для младенца, которые необходимы для вызывания улыбки, и тех условий, которые ведут к ее прекращению. В особенности я хотел бы узнать, является ли она ответом на зрительные и слуховые знаковые стимулы и подвержена ли она в каком-либо отношении сенситивным фазам развития. Кроме того, я ожидал бы обнаружения того, что она действует в качестве компонента в более высокой организации поведенческих паттернов, которые охватывают "поведение привязанности" у чуть более старшего младенца - а именно, комплекса поведения, связывающего ребенка с фигурой матери. Работа в этом направлении проводится в Тэвистоке моим коллегой Энтони Амброузом².

Этот подход, который легко интегрируется с теорией обучения, контрастирует с подходом, который строго ограничен теорией обучения.

Примерно двадцать лет тому назад Деннис (1935) отмечал, что маленькие младенцы (от семи до шестнадцати недель) улыбались на человеческое лицо и голос. Так как будучи теоретиком обучения, он был убежден в том, что эти стимулы не могут быть безусловными, он провел эксперименты, чтобы посмотреть, возможно ли определить такой безусловный стимул. Его метод состоял в том, чтобы растить младенцев таким образом, чтобы в той мере, в какой это возможно, их кормление и другой уход за ними осуществлялись в условиях, которые не давали бы им возможности видеть человеческое лицо или слышать человеческий голос; он ожидал, что со временем станет возможно определить, на что же младенцы, естественно, отвечали улыбкой. Однако результаты исследований не подтвердили его ожиданий; младенцы, воспитываемые таким образом, все так же улыбались на человеческое лицо, и никакое другое стимульное условие не было столь эффективным. Поэтому он отметил, что не нашел никакого свидетельства существования

² Смотрите работу Амброуза (1963).

безусловного стимула для ответной улыбки, который мог бы вызываться человеческим лицом.

Тем не менее, Деннис не мог поверить своим глазам. Не зная трудов Хейнрота и Лоренца, он продолжал не допускать возможности того, что человеческое лицо само по себе является эффективным невыученным стимулом на (ошибочном) основании, что не наблюдалось какого-либо свидетельства сходной специфичности в сенсорном регулировании невыученных ответных реакций у животных. Вместо этого он выдвинул спекулятивную теорию, что улыбка возбуждается вследствие процесса обусловливания "любимым стимулом, который возвещает освобождение младенца от дистресса". Явно видно, что исключительная опора на теорию обучения, хотя она и вдохновила его на интересные эксперименты, сделала для него затруднительным делом придать должный вес как своим собственным находкам, так и альтернативным объяснениям.

Десять лет спустя Шпиц и Вольф (1946) опубликовали дальнейшую экспериментальную работу по улыбке младенца. Во многих экспериментах, используя маски, они продемонстрировали, что у младенцев в возрасте от двух до шести месяцев, взятых из разных расовых и культурных слоев, улыбка пробуждается визуальным конфигурационным качеством человеческого лица. Они далее утверждали, что эта конфигурация должна включать в качестве элементов два глаза в полной лицевой позиции и в движении.

Эти наблюдения были с тех пор широко подтверждены и расширены Аренсом (1954), который также показал, как конфигурация лица, необходимая для пробуждения улыбки младенца, становится более сложной с возрастом. Что по крайней мере одним из экстероцептивных стимулов, который пробуждает улыбку у двух-трехмесячного младенца, является вполне простой визуальный сигнал, представляется неизбежным и принимается как таковой обоими авторами. Поэтому удивительно обнаружить, что при обсуждении двигательного компонента улыбки Шпитц не считает его врожденным видо-специфическим паттерном. В личных беседах он явно высказывался в пользу того, что вместо этого он рассматривает его как двигательный ответ, которому младенец научился в результате способствующего обусловливания. Сравнивая это с обучением языку через отбор и специализированное использование природно данных фонем, Шпиц пишет:

"Отбор происходит посредством прогрессивного подавления (или отбрасывания) не приспособленных для данной цели паттернов и усиления приспособленных для данной цели паттернов поведения. Именно это я имею в виду, говоря, что ответная улыбка является приобретенной поведенческой реакцией в ответ на материнский уход; он с самого начала присутствует в качестве одного из многих дюжин физиогномических паттернов поведения; он кристаллизуется из них в ответ на материнский уход, то есть к началу объектных отношений".

Шпиц не поддерживает с готовностью представление о том, что моторный компонент ответной улыбки у Человеческого младенца может быть врожденным и к возрасту шести недель или около того так организован, что все готово для его пробуждения подходящими стимулами.

Однако нет ничего более правдоподобного. В конечном счете, в ходе эволюции человека имели место огромные риски. В процессе его исход дела был решен в пользу гибкости поведения и поэтому в пользу обучения и ухода от врожденной стабильности. Однако было бы странно, если бы произошел полный отказ от биологической безопасности, которая проистекает от фиксированных паттернов поведения. Плач, сосание и улыбка, по моему, являются некоторыми из многих наших врожденных двигательных паттернов и представляют природную страховку против того, чтобы рискованно ставить все на карту обучения.

Тем не менее, я признаю, что данный случай не доказан и, возможно, никогда не будет абсолютно доказан. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что в представленной мной картине нет ничего такого, что было бы несовместимо с влиянием обучения на улыбку. И действительно, у нас есть веская причина считать, что это так и есть. Недавно Брекбилл (1956) сообщила об эксперименте, в котором две группы младенцев в возрасте между четырнадцатью и восемнадцатью неделями подвергались, каждая в течение двух недель, двум различным степеням "награды" за улыбки; "наградой" являлось дополнительное внимание со стороны экспериментатора. В конце данного периода две эти группы существенно отличались в ожидаемом направлении в отношении частоты и продолжительности улыбки младенцев. Ее заключение о том, что на улыбку влияет способствующее обусловливание, представляется, на основании приведенных ею фактов, хорошо обоснованным. Всякое дальнейшее предположение о том, что улыбка должна пониматься исключительно с точки зрения способствующего ей обусловливания, не подкрепляется ее данными и, как я уже говорил, представляется неправдоподобным. Из-за того что ходьба и бег улучшаются практикой, мы не заключаем, что они приобретаются исключительно обучением - а если бы мы это заключили, то определенно были бы неправы!

Многое зависит от того, каким образом мы концептуализируем улыбку младенца; вопросы социального развития, на которые мы ищем ответы в исследовании, будут сформулированы различным образом; вероятно, изменятся все наши концепции человеческого социального взаимодействия; а защищаемые нами клинические и образовательные методы станут иметь иное выражение. Давайте кратко рассмотрим, какое воздействие это окажет на исследование раннего социального развития.

Если мы всецело примем точку зрения теории обучения, мы станем воспринимать человека как животное без каких-либо врожденных социальных ответных реакций. Затем мы столкнемся, как это поняли и Хэзерс (1955), и Гевиртц (1956) с проблемой понимания

того, как так получается, что к возрасту семи или восьми месяцев младенец развивает сильную эмоционально окрашенную привязанность к своей матери. Тогда значительная часть нашей экспериментальной работы будет направлена на прояснение того, как происходит такое развитие через процессы обучения, основанные на удовлетворении физиологических потребностей.

С другой стороны, если мы примем этологическую точку зрения, мы пойдем совершенно другим путем. Во-первых, мы будем настороже относительно ряда видо-специфических поведенческих паттернов у младенцев, которые, подобно улыбке, содействуют взаимодействию его с матерью. (Двумя из них, которые могут иметь подобный характер и которые мы надеемся исследовать в Тэвистоке, являются плач и склонность младенцев протягивать свои ручонки, что, по-видимому, всегда интерпретируется взрослыми как делание, чтобы их взяли на руки). Определив их, мы попытались бы проанализировать те высвобождающие и подавляющие стимулы, к которым данные паттерны поведения чувствительны. Мы ожидали бы обнаружить, что такие стимулы обычно представлены матерью, и мы стали бы искать их в таких вещах, как её внешность, тон ее голоса и воздействие рук. Кроме того, мы были бы настороже в отношении сенситивных фаз, развития через которые могут проходить эти образцы поведения (как в отношении их созревания, так и в отношении их выученных компонентов), в отношении процесса, в котором различные социальные ответные реакции интегрируются в более сложное целое, в отношении ситуаций, когда они вступают в конфликт с несовместимыми моделями поведения, такими, как враждебность или бегство, в отношении "стрессовых" ситуаций, которые могут приводить к их временной или возможно постоянной дезинтеграции, в отношении их воздействия на материнское поведение, и так далее.

Очевидно, что это две очень различные исследовательские программы. Помимо их согласования с концепциями, проистекающими от психоаналитического и другого клинического опыта, главная причина для предпочтения этологического подхода заключается в том, что он уже оказался продуктивным в анализе социального развития и социального взаимодействия у других видов, в то время как теория обучения, как отмечает сам Гевиртц, была разработана для объяснения феноменов, относительно более простых, и поэтому все еще должна доказывать свою состоятельность.

Отдавая предпочтение этологическому подходу, я надеюсь, нет необходимости повторять, что он не отвергает теорию обучения. Напротив, для понимания многих процессов изменения, которым подвергаются компоненты инстинктивных паттернов поведения, она незаменима и поэтому является дополнительной к этологии.

Сходным образом, работа Пиаже (1937) также дополнительна к этологическому подходу. Даже если мы правы, полагая, что в первые месяцы жизни младенца высвобождение и подавление стимулов социальных поведенческих проявлений лежит в природе простых сигналов, вскоре это прекращает быть справедливым. Уже к шести месяцам стимулы,

содействующие социальному поведению ребенка, включают в себя сложные формы восприятия, тогда как на втором году жизни ребенок развивает способность к символическому мышлению, которое приводит к громадному расширению тех стимулов, которые для него социально значимы. В понимании этого изменения концепции Пиаже также представляются незаменимыми. Тем не менее, нам нет надобности предполагать, что так как индивид стал способен использовать более сложные процессы понимания и концепции, на него обязательно полностью перестают влиять более примитивные стимулы. Напротив, кажется правдоподобным, что, подобно шимпанзе, столь трогательно описанным Йеркесом, мы продолжаем испытывать подобное воздействие и что в состояниях тревоги и стресса мы особенно чувствительны к ним.

Это приводит нас к связи этологии с психоанализом. Очевидно, что в той мере, в какой психоанализ имеет дело с человеком, как использующим символы животным, с выдающимися способностями к обучению, и поэтому к задерживанию, искажению и сокрытию выражения инстинктивных реакций, он исследуется в области, примыкающей и дополнительной к этологии. Однако в той мере, в какой рассматриваются сами инстинктивные поведенческие реакции, представляется вероятным, что две эти дисциплины частично перекрывают друг друга. В этой связи интересно воспроизвести мнение Фрейда, выраженное свыше сорока лет тому назад (Freud, 1915), что для дальнейшего понимания инстинкта психология будет также искать помощи у биологии. Как результат развития уходящей корнями в биологию науки этологии, я считаю, что сейчас пришло это время и что психоаналитическая теория инстинкта может быть заново сформулирована. Здесь не место предпринимать попытку обсуждения этой огромной и противоречивой темы. Однако очевидно, что такие понятия, как понятие первичного нарциссизма и контроля инстинкта, которые являются исключительно результатом социального обучения, не будут предпочтительны, в то время как такие понятия, как понятие первичных человеческих взаимоотношений, неизбежности интрапсихического конфликта, механизмов защиты от конфликта и способов регуляции конфликта, будут центральными. Одним из результатов такой новой формулировки может быть более экономичная и последовательная основная часть психоаналитической теории.

Эмпирическое исследование всех этих линий мышления будет задачей нового поколения. Будет ли оно осуществлено в этой стране, зависит от общественного мнения в британской психологии, которое высоко ценит все эти подходы, признает их дополнительными друг для друга и поэтому приводит к тому, что аспиранты и студенты получают знания в отношении всех их основных принципов.

***Постскрипtum:** Защищаемый подход был принят с заметным успехом Мэри Солтер Эйнсворт, многие из публикаций которой приведены в списке литературы на страницах 161-162, а также Николасом Блуртоном Джонсоном (1972). Относительно современного описания этологических концепций и открытий в отношении человека смотрите работу Хинде (1974).*